

УДК 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

СИСТЕМНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕЛОВЕКЕ БОРЮЩЕМСЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XVI ВЕКА

Д. В. Иванов,
НГПУ, Новосибирск,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Психологическая мысль о человеке и его борьбе в XVI столетии оказалась адекватна проблемам святоотеческой литературы. Особое место системным описаниям образа человека, его природе отводится в таком литературном памятнике, как «Великие Четьи-Минеи», составленные под руководством московского митрополита Макария. «Великие Четьи-Минеи» являют собой обширный свод источников отечественной мысли, позволяющих понимать особенности и специфику развития психологических представлений в конкретный исторический период времени.

В основе святоотеческого наследия, которое важно для изучения стройности и непрерывности отечественной психологической мысли, лежит обращение к душе человека вне зависимости от возраста; стремление затронуть его эмоционально-волевой мир темой и образами борьбы, которые представлены конкретным духовным опытом, позволяющим выстроить собственную линию жизни; ориентация на становление телесных и душевных потенций человека; формирование интереса к самопознанию и самосовершенствованию.

Духовный борец-аскет, представленный в святоотеческом наследии, обладает волеизъявлением, способен к борьбе, которая позволяет дать оценку его характера. Аскету присуща внутрилличностная борьба, помогающая подготовить его к развитию духовных возможностей, достигать вершины восхождения по пути к прообразу. Его борьба определяется и как социализирующая по своей функции, помогает сформировать общественный идеал действий. Взрослеющий человек по мере развития у себя способности к борьбе обнаруживает активность своей души. На протяжении всего жизненного пути происходит становление потенций борющейся души человека.

Идея борьбы и образ человека борющегося, разработанные системно, во взаимосвязи своих проявлений, образуют единое целое в их восприятии, понимании и дальнейшем описании.

Ключевые слова: системные представления; оригинальная святоотеческая литература; борьба; аскет; человек борющийся.

Для цитаты: Иванов Д. В. Системные представления о человеке борющемся в отечественной психологической мысли XVI века // Системная психология и социология. 2020. № 4 (36). С. 103–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

Иванов Денис Васильевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.

E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2478-1468

UDC 159.9

DOI 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

SYSTEMIC IDEAS ABOUT MAN STRUGGLING IN THE NATIVE PSYCHOLOGICAL THOUGHT OF THE XVI CENTURY

D. V. Ivanov,
NSPU, Novosibirsk,
ivanovdirkutsk@yandex.ru

Psychological thought about man and his struggle in the XVI century proved to be adequate to the problems of patristic literature. A special place for systemic descriptions of the image of man and his nature is given in such a literary monument as the Great Makariev “Chetyas-Minei”, named after the most famous collector of them — Metropolitan Makarii of Moscow. “Chetyi-Minei” represent an extensive set of sources of Russian thought that allow us to understand the features and peculiarities of the development of psychological concepts in a particular historical period of time.

Based on the patristic heritage, which is important for the study of harmony and the continuity of national psychological thought, an appeal to the human soul, regardless of age; the desire to touch his emotional world theme and images of struggle, which are represented by a particular spiritual experience, which will build its own line of life; orientation on the formation of spiritual and physical potentialities of man; the formation of interest in self-knowledge and self-improvement lie. A spiritual ascetic-fighter, represented in patristic heritage, possesses the will, is capable of fighting, which allows to assess his character.

The ascetic is characterized by an intrapersonal struggle, which helps to prepare him for the development of spiritual capabilities, to reach the top of the ascent on the way to the prototype. His struggle is also defined as socializing in its function, helping to form a social ideal of action. A growing person, as he develops the ability to fight, discovers the activity of his soul. Throughout the whole course of life, the potencies of the struggling human soul are formed. The idea of struggle and the image of man struggling are developed systemically, in the relationship of their manifestations, form a single whole in their perception, understanding and further description.

Keywords: system representations; original patristic literature; struggle; ascetic; struggling man.

For citation: Ivanov D. V. Systemic ideas about man struggling in the native psychological thought of the XVI century // Systems Psychology and Sociology. 2020. № 4 (36). P. 103–120. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.36.4.9

Ivanov Denis Vasilievich, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.
E-mail: ivanovdirkutsk@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2478-1468

Введение

Анализируя мировую психологическую мысль, немецкий историк М. Дессуар верно заметил, что с возникновением христианства в нее проникает новый дух [16: с. 9]. Строгую серьезность здесь приобретают вопросы, связанные с пониманием сути «божественного подъема души», непрерывным развитием духовной жизни, «ступенями роста души», ее бесконечной ценности, что является характерными чертами мирового вероучительного наследия [Там же: с. 54]. Святоотеческая вероучительная литература оказалась

восприимчива к этим общим, фундаментальным вопросам, особенно к тем, что касались философско-антропологических и психологических воззрений. Российские историки психологии убедительно подчеркивают необходимость пристального внимания к той роли, которую сыграло христианство в ходе становления и развития отечественной культуры и русской психологии. Они считают, что исследовать закономерности поступательного развития психологической мысли в отечественной культуре, которые оказываются тесно связанными с духовной традицией, самими историческими судьбами России,

можно только в контексте понимания особенностей православия, «насквозь пронизавшего все стороны русской жизни» [25: с. 6]. Христианско-православная церковь в лице страстных проповедников, пастырей поддерживала и «любовно возвращала» ростки национального самосознания в период ордынского ига, осуществляла миссионерскую деятельность, неся свет духовности в нехристианские земли [8: с. 84]. Памятники оригинальной святоотеческой, духовной, вероучительной литературы хранят мудрость Отцов Церкви о правильности существования человека, о природе его души и добродетелях, той иерархии ценностей и приоритетов, среди которых выделяется борьба, приобретающая к тому же конкретную значимость в определенный период истории.

Древнерусские памятники святоотеческой вероучительной литературы, составляющие существенный эшелон источников культуры, служат показательными особенностями национального исторического пути развития отечественной психологической мысли — части развития мировой психологической науки [44: с. 238]. Развитие же самого современного психологического знания, находящего в своей зоне роста [39: с. 5], обеспечивается синтезом разнодисциплинарных знаний о человеке [43: с. 72], содержащихся в различных источниках, запечатлевших продолжительный творческий ход человеческой мысли. Среди последних — оригинальные древнерусские памятники святоотеческой литературы, сохранившие идеи системного характера о человеке и его борьбе.

Предыстория системных представлений о человеке и его борьбе в отечественной психологической мысли XVI века

История отечественной психологической мысли обладает выраженной длительностью и непрерывностью своего развития, несмотря на социальные и политические потрясения, имевшие место в большой истории Древней Руси и Московского царства. Явлением для самой истории становятся источники — различные продукты человеческого творчества, которые создаются в конкретное историческое

время развития культуры и многогранно отражают достижения как отдельного индивида, так и целого общества прошедшей эпохи. Методология современного источниковедения опирается на фундаментальное понимание исторического источника как определенного единства цели и творчества его авторов-создателей. Отечественная психологическая мысль имеет в своем распоряжении широкий базис источников, позволяющий отметить ровность ткани ее истории.

Особый интерес для науки представляют письменные источники, ставшие литературными памятниками, составленные и написанные учеными-монахами, которым, как заметил когда-то А. С. Пушкин, мы обязаны и своей историей, и своим просвещением [38: с. 165]. Ученые-монахи явились в свое время хранителями философско-антропологических, психологических представлений о человеке, его душе, о его должном поведении в «дольном» (социальном) и «горнем» (высшим) мирах. Их труды как источники рассмотрения генезиса психологической мысли в ее святоотеческом варианте представлены во всей большой истории Древней Руси и Московского царства.

Исследователи истории отечественной психологии все больше внимания стараются уделять трудам ученых-монахов, причем некоторые историки прямо говорят о святоотеческой мысли как о соответствующем источнике историко-психологического анализа [11], как о большой части для реконструкции психологического наследия прошлого [26: с. 317]. Работы ученых-монахов являются теоретической основой диссертационных исследований психологической мысли как в мировой [15: с. 8], так и в отечественной медиевистике [33: с. 179].

Психологическая мысль XVI столетия, если рассматривать комплексно высказывания отдельных авторов, среди которых ученые-монахи, их идеи и теории о человеке и его борьбе, имевшие хождение в этот век, подготавливалась всем течением и развитием идей о человеке и его душе в предшествующее время.

Период между XIV и XV столетиями — «золотой век русского искусства и русской

святости» (Г. П. Федотов) — стал предтечей XVI в. — времени развития отечественной психологической мысли. Белокаменные соборы и церкви, завораживающие своей строгостью и святостью иконы кисти Андрея Рублева, Феофана Грека — отражение достоинства духа, многогранности человеческой психологии. Это время расцвета русской оригинальной святоотеческой духовной, вероучительной литературы, патристики.

В недалеком прошлом историк психологии В. А. Роменец доказывал ценность патристики для историко-психологического исследования с ее важнейшей проблемой — отношением души и тела, а также ролью телесности в формировании как тела, так и души; расширенным вниманием к трудовой деятельности человека, позволяющей реально преобразовывать этот мир; обращенностью к вопросам развития речи с целью духовного усовершенствования человеческой натуры. Появлялась «психология, которая искала идеал человеческого поведения и видела его прежде всего в разрыве связей с миром материальным» [40: с. 26]. Движение, переход человека от материального к духовному миру направлялось Божией благодатью.

С золотого века русского искусства и русской святости, с развития патристической литературы начинается предыстория системных представлений о человеке и его борьбе в отечественной психологической мысли XVI столетия.

Материальные, социальные и духовные миры русского человека постепенно, но уверенно менялись [46: с. 121]. Такие изменения подготавливались историческими, социальными и логико-предметными факторами, связанными с растущим сопротивлением русских князей ордынским ханам, национальным подъемом самосознания, накоплением научного знания о мире, природе, обществе и человеке. Кардинальной становится мысль о душевном самоанализе, тесно связанная с глубоким осознанием христианских добродетелей, среди которых — смирение и покаяние. Появляется новая система познания и самопознания, необходимая человеку, новая психогностическая техника, активно использующая молитвы, исповедь, аскетизм. Здесь

во многих смыслогенетических контекстах (кардиогностическом, утопическом, апокалиптическом) просматриваются внутренняя природа человека и его борьбы, его развитие и психопатология как следствие нетерпения и невоздержанности. Религиозно-мировоззренческая составляющая психологической мысли особо ориентирована на практическую мораль, крайне востребованную и ожидаемую русским человеком.

Период между XIV и XV вв. соответствует расцвету подвижничества, пустынножительства (старцы-любомудры, огненноустные пророки), воспитанию отечественных святых и земному торжеству Русской церкви [49: с. 196]. В этот период исполненная «такой благодатной силы духовного и телесного подвижничества, пустыня была предметом духовных песнопений» [50: с. 242]. Это историческое время ознаменовано строительством в различных княжеских уделах монастырей и скитов [30: с. 230]. Крестьяне шли за монахами и помогали превращать пустыню в поселение с дорогами, постройками и пашней. Хотя при этом воодушевляли и расцвете подвижничества и пустынножительства отмечались и выступления крестьян против строительства монастырских келий и дальнейшего их обживания, поскольку последние опасались присвоения их земель церковью [9: с. 776]. Тем не менее народ особо прислушивается к старцам-любомудрам, огненноустным пророкам. В это же время рождается великий русский язык, нашедший блистательное завершение в литературных произведениях святоотеческого характера [37: с. 32], сохранивших психологические идеи и теории. Человек из обыденности своего существования приходил к святым подвижникам, пустынножителям наслаждаться их речами и мудростью, выведшими его за порог повседневности и приобщавшими к ощущению благодати и видению добродетельности. Люди покидали старцев «не только с запасом житейских советов, но и с просветленным духом, легким сердцем, чистой ликующей душой» [5: с. 35]. Вера, считают современные ученые, в тот исторический период времени не только «задавала тон», но заранее предопределяла ответ, который возникал благодаря усилиям разума

человека [19: с. 97], понимавшего, что поступил правильно.

Для русских святых-пустынножителей характерным является мотив странничества из дольного мира к духовным горным пространствам. Эти странствия были наполнены яркой душевной и телесной борьбой, вызывавшей трепет у мирян, обращавшихся с разными проблемами к пустынножителям. Духовный подвиг в его конкретно историческом содержании действий требовал от человека рефлексии, приращения богатства опыта в конкретной человеческой истории. Неудивительно, что появляются описания и воспевания духовных борцов, старцев-любомудров, огненноустных пророков — Стефана Пермского, Сергия Радонежского, Савва Вишерский, Дмитрий Вологодский, Макарий Калязинский, Зосима и Савватий Соловецкие и др. Воспевалась их тяжкая борьба со «страхованиями», стихиями суровых пустынь и т. п. [50: с. 242]. Такое прославление содержало алгоритмы духовной и телесной борьбы человека.

Основной смысл деятельности и призвание отцов-пустынножителей — молиться за спасение мира и человечества. В. О. Ключевский отмечает, что лучшим оружием в борьбе со страстями и «неупорядоченной природой человеческой» они считали «мысленную, духовную молитву и безмолвие, постоянное наблюдение за своим умом» [31: с. 228]. «Этой борьбой достигается, — подчеркивает Ключевский, — такое воспитание ума и сердца, силой которого случайные, мимолетные порывы верующей души складываются в устойчивое настроение, делающее ее непреступной для житейских тревог и соблазнов» [Там же]. Пустынножители, знавшие этико-аскетическое учение Отцов Церкви, придавали особое значение духовной борьбе, отражающейся в молитве, направляющей по пути нравственного преобразования человека, культивировали распространяемую в данное время идею его самосовершенствования [48: с. 140]. Для них очевидной была своего рода система, позволяющая в случае выполнения всех соответствующих предписаниям Отцов Церкви действий приходить к просветлению и спасению души. Пустынножитель «умом соблюдал

сердце» (кардионостический принцип психологии) от неуместных и зачастую нескромных помыслов, страстей и чувств, навеваемых извне, всего, что возникает из человеческой неупорядоченной природы [31: с. 228].

В современной отечественной психологии присутствует опыт описания личности человека духовного чина, движущегося по пути преодоления неупорядоченной природы человеческой, нравственного совершенствования и отличающегося зрелостью, гармоничностью и целостностью своей личности [27: с. 5].

Современные исследователи, анализируя русские православные традиции воспитания «душевного строения» человека [28: с. 46], обращают внимание на особый вклад, который внесли ученые-монахи (пустынножители), обучавшие обращавшихся к ним за помощью людей в поисках благодатного и Божественного. Помимо молитв, помогавших найти нужный душевный настрой, в качестве средств, воздействующих на эмоционально-волевой мир человека, готового стойко переносить трудности, бороться с гордыней и умирять плоть, использовались также исповеди, которые приучали к самоанализу, глубокой рефлексии о сути добра и зла, благодати и наказания. Средством воздействия на человека, способом улучшения его нрава являлись посты, епитимьи и телесные истязания, поскольку считалось, что «победивший же естество, без сомнения, стал выше естества» (Иоанн Лествичник) (цит. по: [22: с. 278]).

Время расцвета святоотеческой, духовной, вероучительной литературы — это еще и время описания и осмысления душевной и телесной борьбы человека, начало перехода к духовному восприятию всех ее характеристик. Осмысление приводит к сложившейся практике, системе в описаниях борющегося человека, вошедших в золотой фонд русской психологической мысли. Архетипом душевного строения, позволяющим объяснить сущность человека, смысловую структуру его поступков, нашедшим отражение в литературных памятниках того времени, стало понятие аскезы [Там же: с. 274, 276].

Образ аскета является одним из актуальных символов, олицетворяющих человека борющегося, нашедших свое описание

в святоотеческой традиции. Аскет — носитель сакрального духа, значимого для оригинальной святоотеческой, духовной литературы понятия. Он своего рода идеал, постепенное восхождение человека к лучшему в человеческом существе. Он также представляет собой духовную аристократию (ранее на его месте был воин-хорообр (храбор), ратоборец, описанный в преданиях, летописях и былинах) [21: с. 14]. Первые христиане, воины Бога, напрямую заимствовали нормы нравственного поведения у военной аристократии. Позже, считает В. В. Костецкий, истоки аристократической нравственности воинов Бога подзабылись, а духовность стала чисто религиозным феноменом [29: с. 28]. Такая реконструкция позволяет выявить общий план познания храборской и аскетической борьбы, соотнести по своим характеристикам психологемы ратоборца и духовного борца.

Духовный борец — аскет, представленный в русском святоотеческом наследии, — обладает волеизъявлением, он самовластен, поэтому способен к борьбе, которая дает оценку его личности, он мужественно «труждается», обладает «самосмышлением», что крайне важно на пути духовного восхождения к идеалу. Активность души обнаруживается по мере постепенного взросления человека, формирования его телесных возможностей, самой способности к борьбе и борцовским усилиям в повседневной жизни. На протяжении всего жизненного пути, который проходит человек (от младенца до отрока и от зрелого мужа до старца) просматриваются потенции его борющейся души. Аскет и его борьба образуют единство, целостность в восприятии образа человека и идеи, образа борьбы. Психологема аскета адекватна внутриличностной борьбе человека, которая помогает обнаруживать его готовность к развитию своих духовных возможностей. По индивидуальным характеристикам аскет — это человек, достигающий благодати, вершины восхождения по пути спасения к прообразу. Его борьба становится и социализирующей по своему проявлению, позволяет выработать идеал действий и укрепиться в способности осознания добра и зла в поведении отдельного человека и общества в целом. Для современной психологии

такая ретроспективная психологическая интерпретация образа аскета — архетипа человека борющегося — важна, поскольку здесь появляется возможность представить идею цельности самого человека, его сущностных характеристик, проследить как она (идея) исторически складывалась в отечественной психологической мысли.

В святоотеческой литературе борьба, как душевная, так и телесная, предстает уникальным духовным феноменом существования человека. Авторами таких сочинений борьба рассматривается как комплекс идей микрокосмического (человек) и макрокосмического (природа) характера. Она достойный, ценностный в представлениях святоотеческой литературы тип поведения. Борьба для человека проявляется еще и как способ создания моральной философии, утверждения долженствования добродетели (социализирующая функция), выявления его духовных возможностей (внутриличностная функция).

В общем, памятники оригинальной святоотеческой, духовной, вероучительной литературы могут рассматриваться историей отечественной психологической мысли как источники, в которых прослеживаются системные описания природы и образа человека, борьбы, ее яркие функциональные проявления.

Расцвет подвижничества и пустынножительства XIV и XV веков, появление значительного числа монастырей и скитов, сам запрос общества на святоотеческую духовную литературу должен был привести к появлению качественно нового, объединяющего характера труда, позволяющего формировать и воспитывать на примере отечественных святых новые поколения аскетов-борцов. Таким объединяющим трудом в XVI веке стали макарьевские «Великие Четы-Минеи».

Макарьевские «Великие Четы-Минеи» — источник отечественной психологической мысли XVI века

Исследователи отмечали безграничность того духовного богатства, которое скоплено в творческом наследии русской мысли, в частности в ряде значимых источников

«борцовского» характера, которые относятся к памятникам святоотеческой литературы.

Особую роль значительной социальной группы «святых» отмечает В. С. Горский. Образ святого, представленный в русском святоотеческом наследии, — духовный борец-аскет. Святой утверждал в сознании средневекового человека нравственный идеал. И если Христос является идеалом святости в бесконечно удаленной перспективе, то святой, принадлежавший социальному миру, знаменовал собой путь стремления к нему. Путь, который сопровождался душевным борением и борьбой часто с реально существующими препятствиями, людьми и обстоятельствами. Жизненному пути святого, его борьбе посвящались патерики и жития, представляющие собой агиографический эшелон источников в древнерусской литературе [10: с. 184]. Они содержат тот исследовательский материал, который помогает понимать богатство духовной литературы, оригинальность мышления и умозаключений русских авторов, хранивших философское и, соответственно, психологическое слово своего времени. М. М. Бахтин выделил отличительную черту таких источников, подчеркнув, что житие «совершается непосредственно в Божием мире. Каждый момент жития изображается как имеющий значимость именно в нем; житие святого — в *Боге* (курсив мой. — Д. И.) значительная жизнь» [4: с. 204]. Подобного рода опыт бытия, как считали авторы и составители житий, нуждается в повсеместном распространении и повторении как образец, как способ приобщения к чему-то стоящему над повседневностью.

Всеохватывающим по представлению функциональности борьбы, образа человека борющегося в отечественной средневековой литературе является такой святоотеческий памятник житийной агиографической литературы, как макарьевские «Великие Четы-Миней», названные так по имени наиболее известного их собирателя — московского митрополита Макария и составленные под его руководством в 1530–1541 гг.

«Великие Четы-Миней» — уникальное явление для истории отечественной психологической мысли, «продукт» творчества, созданный в конкретное историческое

время, многогранно отразивший достижения общества того времени. Это — исторический источник, показывающий определенное единство поставленной цели и проявленного искусства, креативности его авторов-создателей, содержащий идеи борьбы и образ человека борющегося.

Митрополит Макарий — ученый-монах, один из тех, кому последующие поколения обязаны просвещением (А. С. Пушкин), наследник золотого века русского искусства и русской святости. Его философско-психологические взгляды оказываются близкими сподвижникам святого Иосифа Волоцкого, известного церковного деятеля XV – начала XVI веков. Образ человека для него сродни образу Троицы (Отец, Сын, Святой Дух). Макарий видит познавательные способности человека в потенциале его ума и правильной речи, позволяющей донести результат умственных размышлений, выразить их, а также в борцовских возможностях индивида со своей телесной и духовной природой. Он верит, что душа человека — это его ум, который может быть представлен в качестве отца. Душа рождает слово, которое определялось как сын, а дух «живит» это слово. Человек носит в себе подобие Божие. Важным проявлением богообразности человека является свободная воля, служащая и показателем индивидуальности. Иными словами, каждый человек способен «помыслить», высказать «надуманное» и побороться за свою душу. Макарий верит в силу самой молитвы как приема борьбы, способной наказывать виновных. «Устраивать» душу человека, верующего и грамотного, помогать ему в преодолении соблазнов мира, научить бороться с ними, как это делали Святые Отцы, на их примерах, используя аналогичные алгоритмы действий, — важнейшая задача, поставленная Макарием при составлении «Великих Четей-Миней».

Макарий для составления своих «Миней» проводил колоссальную работу изыскательского характера, кодификацию и систематизацию собранных по всей Руси святых книг, находил жития местночтимых святых, значение которых для укрепления духовных ценностей трудно было переоценить. Сами жития — любимое чтение древнерусского

грамотного человека [30: с. 239], — собранные Макарием, служат своего рода показателем оригинальности древнерусской литературы, маркером интеллектуальной работы многих, часто оставшихся неизвестными для истории, в том числе, и для истории отечественной психологической мысли, авторов жизнеописаний и чудес святых, мучеников, чудотворцев, тех аскетов-борцов, с которыми идентифицировал себя человек того времени.

Русского православного мыслителя, ученого-монаха Макария можно определить как преобразователя — энергичного и яркого воина, доносящего до окружающих свои жизненные принципы [27: с. 480]. Будучи митрополитом, Макарий, входивший в ближний круг молодого царя Ивана IV, его Избранную раду [30: с. 162], инициировал проведение соборов в 1547 и 1549 гг., устанавливавших «церковное празднование 39 русским святым» [Там же: с. 237], принимал участие в создании своего рода уникального тематического исторического источника — «Степенной книги», содержащей систематическое представление русских правителей, описание их «великокняжений» [Там же: с. 352], способствовал организации книгопечатного дела в России XVI столетия, в первую очередь богослужебных и дидактических книг, подготовленных им «Великих Четьих-Миней» с их богатой агиографией.

Рассматривая проблемы житийной агиографической литературы, В. О. Ключевский заметит, что напряженная потребность духовного творчества отечественных мыслителей, выраженная исследовательская склонность у них к обобщению наблюдаемых фактов и явлений, способствовали созданию описаний жизни выдающихся людей, посвящавших себя целиком борьбе с соблазнами этого мира по примеру восточных христианских подвижников [31: с. 219]. «В народной памяти, — пишет Ключевский, — они образовали сонм новых сильных людей, заслонивших собой богатырей, в которых языческая Русь воплотила свое представление о сильном человеке» [Там же].

К настоящему времени список оригинальных древнерусских житий насчитывает свыше 5508 названий [34: с. 35], что указывает

на глубину проработанности идеи борьбы в святоотеческом наследии, востребованность «борцовского» алгоритма, используемого в житиях, потребность в образе борющегося человека, способного к преодолению трудностей мира и к самопреодолению. Идея борьбы представлена системно, во взаимосвязи своих проявлений, образует единое целое в ее восприятии и понимании. Создание житий «новых сильных людей» (В. О. Ключевский) стало психологическим освоением русским человеком результатов духовного творчества, привносимого борьбой, способствовало преобразованию его «норова», изменению его личностных качеств.

«Четьи-Миней», подготовленные митрополитом Макарием, стали собранием более чем двух тысяч кратких и пространных, объемных произведений как святоотеческой, оригинальной, так и переводной литературы, предназначенных для систематического домашнего чтения всем интересующимся своим духовным развитием читателям. Внутреннее деление этого собрания было произведено по порядку месяцев и соответственно каждого из дней этих месяцев, распределенных по 12 книгам [13: с. 178]. «Четьи-Миней», благодаря их активному распространению, оказывались доступными для многих заинтересованных лиц, стремившихся соотнести себя и нравственный идеал, мысленно сопроводить святого на его пути, полном преодоления и борьбы.

В «Четьи-Миней» вошли также апостольские послания: «Златая цепь», «Пчела», «Иудейская война» Иосифа Флавия и другие [42: с. 112]. Современное источниковедение относит сюда и так называемые патерики, или отечники, — сборники повестей о знаменитых монахах-подвижниках (Феодосии Печерском, Кирилле Туровском и др.) и их нравоучениях для мирян как необходимую «кальку борьбы» на каждый день в продвижении своей души к спасению. Считается, что «Четьи-Миней» — это самое ценное собрание памятников литературы XVI века и предшествующих столетий, в том числе и времени расцвета пустынножительства (XIV–XV вв.), поскольку многие сохранились только потому, что были включены в состав «Четьих-Миней» [7: с. 231].

Жития строятся по определенному канону, сохраняющему систему понятий, включающему борьбу подвижника, достижение им святости, а путь такого человека-борца рассматривается как пример добродетельности, нравственного поведения в постоянно возникающих тревожащих ситуациях повседневности. Важно, что борьба проявляется здесь в своей социализирующей и внутриличностной функциях. Человек движим нравственной борьбой в ее мысленном плане, находит ее следствия также во внешнем мире, в своей каждодневной деятельности, в анализе социальных связей и оценках собственного бытия.

В рецензии на «Великие Четьи-Минеи», которые в середине XIX века издавала Археографическая комиссия, В. О. Ключевский подчеркивал, что жития наших святых дают возможность не только почувствовать «напряженность физической силы, материальной борьбы, но и ясно выраженную нравственную силу народа» [32: с. 36]. По мнению историка, ничто лучше жития не дает потомку и наследнику русских традиций проникнуться и прочувствовать, что не только одним ручным трудом — топором и сохой — «расчищена и взрыта» история русского государства. А самое главное — не только «пресловутые Иваны московские» послужили «живучести» самого отечества. Нравственной силе народа «в образе Петра, Алексея, Сергия и многих других» — духовных борцов, аскетов, которые трудились для русского народа в прошлом, должно принадлежать особое место в истории и культуре [Там же].

Одной из ярких личностей, нашедших свое описание в «Четьях-Минях», был Феодосий Печерский (ок. 1036–1074), игумен Киево-Печерского монастыря, стойкий подвижник и духовный борец. «Житие Феодосия Печерского» — это самое древнее, известное на Руси, преподобническое житие (т. е. житие преподобного, святого инока), представляющее определенные традиции борьбы лиц, посвященных в сан. В нем изначально прослеживается соответствие канонам византийской агиографии, что указывает на взаимосвязь Древней Руси и Византии, определенную преемственность философско-психологических умозаключений.

В то же время оно дает возможность разглядеть, пусть и отдаленно, не только разные стороны монастырского быта и существования (борьба с врагами Господа, путь смирения, борьба за простого человека и т. п.), но и всей русской действительности XI столетия с ее становящейся психологической мыслью, содержащей обоснование духовного самосовершенствования человека, понимания его борьбы и др. [3: с. 29].

Рассматривая образ Феодосия Печерского и его творческое наследие, исследователи в большинстве случаев предлагают анализ его мистико-аскетических воззрений [18: с. 41], гуманистических взглядов [13: с. 74], эстетического сознания на примере его одиннадцати сочинений — «медоточивых речей» [5: с. 34]. И хотя в последнее время есть упоминания о морально-антропологической и аскетической тематике, представленной в «Житии Феодосия Печерского» [14: с. 17], в стороне очень часто остаются вопросы, связанные с целым комплексом проблем психологического наследия в святоотеческой традиции, которые нуждаются еще в своем рассмотрении и системном описании.

Автор «Жития Феодосия Печерского», летописец Нестор, стремился к конкретике исторических событий. Он даже опирается на свидетельства конкретных лиц, сообщавших «действительную» фактологию жизни Феодосия Печерского. Поэтому, например, Н. В. Водовозов считает, что житие не только литературный памятник, а «законченное художественное изображение древнерусской жизни... в нем рассматриваются патристические раздумья автора о судьбах его родной земли» [7: с. 53]. «Патристические раздумья», как показывает историко-психологическая реконструкция и ретроспективная интерпретация психологического смысла текста этого и других житий, содержат идею борьбы человека, признаки ценностной ее природы.

Святой Феодосий Печерский отличался безупречным, праведным образом жизни, добронравными делами, приверженностью к такой вере и разуму, которые оказывались далеки от фанатичного аскетизма и были близки практическому образу жизни и мышления, или идеалам фронеизиса [36: с. 183]. Фронеизис

в этом источнике представлен как способность взрослого и мудрого человека отличать хорошее от дурного в конкретных ситуациях жизни и принимать верные обстоятельствам решения. Этот практический разум — важная составляющая для понимания акцентов в представлении человека отечественной психологической мысли древности.

«Житие Феодосия Печерского» — пример духовного ратничества человека, начавшего путь искания и аскетической борьбы уже в отрочестве, в том возрасте, который всегда выделялся в отечественной психологической мысли как время испытаний, инициации и борьбы духовного и телесного характера. Здесь показано своеобразное начало генезиса борьбы, характерного для русской агиографической традиции.

Феодосий Печерский, проделавший длительный путь восхождения к пониманию ценности борьбы, сравнивая в «Поучениях о терпении» монаха с воином, вносит свой вклад в учение о страстях, об уме и речи, столь актуальных для психологической мысли того времени. Он больше верит действительным делам [20: с. 154], чем пустословью, не подкрепленному терпением и борьбой. Ценность и коннотации борьбы для Феодосия Печерского оказываются необходимыми составляющими его взглядов. Смысл выступлений этого духовного учителя в том, что слава воинов временная, поскольку она кончается с их жизнью, а вот слава монахов-иноков, борющихся «с супостатами рода человеческого, вечно» [35: с. 461]. Став настоятелем Киево-Печерского монастыря и наставником, он «направил» своими подвигами братьев-монахов и при жизни его «иноки, казалось, были равны подвигами своими Ангелам Божиим, а монастырь Печерский уподоблялся как бы обители Небесной» [47: с. 140].

В самой обители, основанной Феодосием, сохранились рельефы, изображающие борьбу [6: с. 27] как аллегория свободы воли в достижении благодати и возможности спасения. Такое художественно-пластическое воплощение борьбы способствовало проявлению ее интенций у обитателей и посетителей монастыря.

Сам добрый сын Христов Феодосий боролся с любой несправедливостью, был

настолько «настойчив в борьбе с невидимыми врагами, настолько же мужественен в борьбе с видимыми врагами Христа Господа» [47: с. 140]. Он вступался как за простых обратившихся к нему людей, так и за сильных мира сего. Вмешиваясь в такого рода социальную, политическую борьбу, Феодосий старался донести свои широкие гуманистические взгляды до власть имущих. Он с подлинным учительным красноречием обращается к ним в своих посланиях, которые должны были пробуждать в глубинах души конкретного человека живое участие ко всем людям, понимание необходимости веры и разума как оружия в борьбе против внешних врагов. «Борцовский» потенциал данного источника определяется наличием философии и психологии борьбы и выраженностью личностно-ценностного и общественно-полезного ее смысла. В житии просматривается образ борющегося человека, понимающего свое назначение и принимающего его, проживающего путь собственной борьбы и наставляющего на этот путь всех попадающих в сферу его взаимодействий и взаимовлияний. «Житие Феодосия Печерского», включенное в «Минеи», — это показатель взаимосвязи идей сквозного характера, пришедших с философско-психологической традицией из Древней Руси и сохраняющих ценность во времена Московского царства.

В «Четьях-Минеях» представлено «Житие Стефана Пермского» (XIV в.), другого святителя, совершившего духовный подвиг в непросвещенной и неправославной Пермской земле. Отправившись в этот край, убежденный монах-аскет Стефан вступил в противоборство с местным волхвом Памом, который ревностно защищал языческие ритуалы и обряды. В житии говорится, что жрец (волхв) «всячески пытался победить непобедимого воина Христова» [Там же: с. 467]. Образу духовного борца Стефана противопоставляется «неукротимый супостат», борьба с которым как с выразителем всего темного и непросвещенного становится ведущим мотивом этого источника. Борьбой обозначается избранность Стефана для этого многотрудного дела.

В источнике говорится, что волхв, рассуждая о борьбе, пытался доказать просветителю,

что именно благодаря поддержке языческих богов человек может в одиночку одолеть медведя. Здесь Пам, по всей вероятности, апеллирует к архаической традиции, связанной с инициацией члена рода — его борьбы с медведем. Магическая борьба с сопровождающими ее заговорами как определенный ритуал у многих народов была еще необходимым условием посвящения отрока во взрослую жизнь [21: с. 12].

Духовный наставник Стефан, в свою очередь, подчеркивал, что победа над медведем — это не только борцовское искусство и телесная мощь, но главное — это предопределенные действия человека, поскольку именно «Небесный Бог покорил под ноги человеку всяких зверей, скотов, птиц и рыб» [47: с. 468]. В этом случае победы над зверем человека нет заслуги иных богов.

В психологическом понимании вопроса о борьбе, Стефан, ученый-богослов, «чюдный дидакал», ориентируется на ее сакральность, обращаясь к высшей силе в противостоянии видимому и невидимому воинству. Стефан признает необходимость мысленного, соответствующего идеалам фронеизиса в личностно-ценностной борьбе как способа восхождения к духовному в себе каждым человеком.

Победив в конечном итоге безумного старца Пама, Стефан утвердил свет православия, идею неотвратимости духовной борьбы, принес в Пермскую землю письменность, способствующую дальнейшему просвещению (пониманию сути борьбы) жившего здесь народа.

Образ самого Стефана Пермского — духовного аскета-борца, — запечатленного в житии, указывает на формирующуюся систему подобного описания, характерную для свято-отеческой традиции борьбы.

Автор «Жития Стефана Пермского» Епифаний Премудрый, читавший многие церковно-исторические источники древности, известные ему, оказался мастером эстетизированного стиля «плетения словес», который соотносится, по мнению современных исследователей, с исихазмом, направляя к «умной молитве» не только аскетов-монахов, но и мирян, приобщая человека к божественной вечной жизни [3: с. 67]. В этом плетении слов, как считает В. В. Бычков, усматривается сама

возможность для выражения всего, что нельзя передать несколькими словами. Духовная сущность, сама святость должна быть выражена «орнаментом», представлена некими эстетизированными структурами, для обозначения которых Епифаний «регулярно употребляет эстетическую терминологию» [5: с. 56]. Описывая таким стилем необычность подвига святого, Епифаний Премудрый возносит самого житийного героя, придает его борьбе пламенную духовность и глубокое психологическое содержание (смирение себя в служении малому народу, единоподвижничество, духовное «поборание» и т. д.).

Еще одним крупным произведением Епифания Премудрого является «Житие Сергия Радонежского». Данный источник показывает востребованность философии и психологии борьбы в описании духовного подвига человека и его самого, присутствие преемственности и системности в жизнеописаниях — житиях Стефана Пермского и Сергия Радонежского. Сергей Радонежский, видный духовный учитель русского народа, оказавший фундаментальное воздействие на жизнь общества в эпоху Куликовской битвы и подъема национального самосознания, к чьим идеям пытается обратиться сегодня история отечественной психологической мысли [2: с. 143].

Епифаний Премудрый, ученик Сергия, называет его добродетельным, смиренным, мудрым, целомудренным, добрым, правым, трудолюбивым, что характеризует духовного наставника Руси как достигшего акме — вершины духа и познания бытия борца-аскета.

Согласно повествованию Сергей Радонежский с отроческих лет, что становится характерной возрастной особенностью святого (аскета-борца), начинает свой путь — восхождение к иноческим подвигам. Его телесная и духовная борьба («Преподобный же, вооружившись молитвой, отогнал силу вражью...») [47: с. 386]) позволила обратить на себя внимание окружающих, признавших в нем духовного наставника.

Так, известно, что в год тяжелого испытания для Руси, старавшейся освободиться от ордынского ига, накануне Куликовской битвы с ханом Мамаем (1380), русский князь Дмитрий Иванович (Донской) посетил Сергия

Радонежского, желая получить от последнего благословение на тяжелую и трудную борьбу с ордынцами. Сергей благословил князя на победу («победишь врагов своих») и отпустил с ним двух монахов, опытных в прошлом ратников-единоборцев — Александра (Пересвет) и Андрея (Ослябя), которые «как бы олицетворяют собой массу рядовых русских ратников, тех, чьими усилиями свершилась эта победа» [17: с. 177]. Сергей Радонежский возложил на них схиму с изображением Креста Христова («Вот, чада, оружие непобедимое: да будет оно вам вместо шлемов и щитов бранных!») [47: с. 417]). Впоследствии благодаря участию в битве монахов-воителей Пересвета и Осляби становится актуальной идея о существенном вкладе духовенства (как главного борца) в победу над угнетателями Руси [17: с. 179].

Историческая битва произошла 8 сентября 1380 г. на Куликовом поле, при впадении в Дон реки Непрядвы [9: с. 781]. Как известно из истории, смиренный инок Александр (Пересвет) перед Куликовской битвой вышел на единоборство с татарским богатырем Телебеем («Надменно, подобно древнему Голиафу, он вызывал кого-либо из русских на единоборство. Страшен был грозный вид сего богатыря» [47: с. 418]). Александр (Пересвет) — «сей доблестный воин Христов с копьем в руках быстро устремился на своего противника» [Там же], «и съехавшис, ударшася крепько, едва место под ними не проторжеся, и падоста оба с коней» [45: с. 92]. Образ ратборца-аскета, отважного инока Пересвета, навсегда остался в истории, его подвиг вошел в сокровищницу национальной гордости. Современные историки убеждены в том, что этот скоротечный поединок в памяти народа «живет вот уже шестьсот лет и будет жить, покуда жив хотя бы один русский человек» [12: с. 202]. Это важно, поскольку происходит трансляция уникального образа борца и воина и аскета одновременно, его подвига как кальки борьбы, значимого для формирования ментальной картины современного человека, его «душевного строения».

Сергий Радонежский во время «ужасной битвы» совершил нравственно-психологический подвиг. Совместно с другими

монахами-аскетами он «усердно просил Господа, чтобы Он даровал победу православному воинству» [47: с. 418]. Стало известно, что на поле битвы «крестonosная хоругвь долго гнала врагов... И было чудесное зрелище и удивительная победа... И тут сбылось пророческое слово: “Один преследовал тысячу, а двое тьму”» [41: с. 51]. Психологема борьбы в этом святоотеческом тексте связана с армейско-военной и общественно-полезной ее причинностью и сакральным источником понимания человеческой души.

После Куликовской битвы Сергей Радонежский по сложившейся традиции наставников-отцов старался умирять разногласия между князьями и предотвращать несправедливую междоусобную витальную борьбу.

Жизненный путь Сергия Радонежского — вершина духовной и телесной борьбы человека. Святитель придерживался следующих принципов: верил в духовную мощь человека, сопровождаемого высшими силами («оружие непобедимое»); понимал значение конечности земного бытия; видел бесполезность блеска славы; сохранял душевную и телесную чистоту; питал ко всем живущим нелицемерную любовь. Сергей Радонежский восходил к идеалу путем, подтверждающим психологическую выверенность борьбы для человека, ее ценность для целостности и спасения его души.

Благодаря Епифанию Премудрому, его описанию жития этого доброго пастыря обнаруживается идея духовной и телесной борьбы человека-аскета, которая, распространяясь, оказывала влияние на жизнь страны спустя столетия, концентрировалась в воспитательной деятельности последователей мудрого Сергия Радонежского.

Рассматривая значение образа Сергия Радонежского, В. О. Ключевский, заметил, что после прочтения этого жизнеописания ощущается, что у русского народа и самого отечества возникают проблески духовного пробуждения, зарождается нравственное мужество. Сергей Радонежский примером своей жизни поднял «упавший дух родного народа, пробудил в нем доверие к себе, к своим силам, вдохнул веру в свое будущее» [32: с. 80]. Сказанное Ключевским еще в 1892 г. в связи

с 500-летием кончины Сергия Радонежского остается как значимая оценка существенно-го этапа развития святоотеческого идеогенеза борьбы, освещенной нравственным мужеством духовного пробуждения человека.

Исследователи настоящего времени продолжают изучать феномен Сергия Радонежского, пытаясь найти то психологическое основание, которое привлекает внимание к образу этого пастыря. Даже сейчас можно говорить о нравственном, психологическом и педагогическом наследии Сергия Радонежского в его гуманистическом аспекте. В частности, это касается его идей, связанных с воспитанием и развитием личности современного человека [24: с. 3]. «Негаснущий свет» идей Сергия Радонежского, взгляды на природу человека (философско-антропологические мысли и психологические высказывания), понимание сущности человеческого предназначения и места борьбы в жизни каждого — актуальные вопросы современности.

В целом же рассматриваемые образы национальной святости, жития монахов-аскетов, по мнению И. А. Ильина, пробуждают совесть, вызывают чувство соучастия в святых делах, приобщенности и отождествления, дают сердцу радостную уверенность, что его «алтари святые», а сам он (народ) имеет право на почетное место в мировой истории [23: с. 322].

Образы святости убежденных монахов-аскетов, «прописанные» в житиях, соотносятся с идеалами воителей-борцов, значимыми для Руси, формулируют философеми и психологему борьбы, объединяясь с ними в смысловом, многооттеночном (символический, аллегорический, нравственный слои) пространстве, созидают ценности идентификации русского человека. В этих источниках прослеживается система взаимосвязи образа человека и характера его борьбы, описанная определенными, понимаемыми грамотными людьми того исторического времени, понятиями, входящими в профессиональный тезаурус психологической мысли. Тезаурус, как и сама система взаимосвязи образа человека и идеи борьбы, сохранится до эпохи Просвещения и будет еще использованы отечественными мыслителями XVIII – первой трети XIX веков (Ф. Прокопович, С. Яворский, В. Н. Тагищев, А. П. Сумароков, М. М. Херасков,

Я. Б. Княжнин, Н. И. Новиков, М. М. Щербатов, В. Ф. Малиновский, И. А. Крылов, П. Я. Чаадаев, Д. В. Веневитинов и др.), что становится основанием «ровности ткани истории» отечественной психологической мысли, не порывавшей со своими истоками.

Заключение

Историки психологии справедливо подчеркивают длительность формирования отечественной психологической мысли, определяют ее истоки, находящиеся в глубокой древности [1: с. 33]. Неудивительно, что русская психологическая мысль, искавшая возможности для описания образа человека, его души и борьбы, не прерывалась в XVI веке.

Психологическая мысль о человеке и его борьбе в этот исторический период времени оказалась адекватна многим проблемам святоотеческой литературы. Особое место здесь отводится такому литературному памятнику, как «Великие Четьи-Минеи», составленные под руководством московского митрополита Макария. В этом литературном памятнике системно рассматриваются образы и описания человека и идей борьбы.

В основе святоотеческого наследия, которое важно для изучения стройности и непрерывности отечественной психологической мысли, лежит обращение к душе человека вне зависимости от возраста; стремление затронуть его эмоционально-волевой мир темой и образами борьбы, которые представлены конкретным духовным (нравственным) опытом, позволяющим выстроить собственную линию жизни; ориентация на становление душевных и телесных потенций человека; формирование интереса к самопознанию и самосовершенствованию.

Идея борьбы и образ человека борющегося (аскета), разработанные системно, во взаимосвязи своих проявлений, образуют единое целое в их восприятии, понимании и дальнейшем описании. Система описания взаимосвязи образа человека и его борьбы сохранится до эпохи Просвещения и будет использована в работах отечественными мыслителями XVIII – первой трети XIX веков.

Для отечественной истории психологической мысли ретроспективная психологическая интерпретация образа аскета важна, поскольку это дает возможность рассмотреть, как исторически формировались представления о человеке и его душе на протяжении длительного времени и как они представлены в современной психологии.

Литература

1. **Ананьев Б. Г.** Очерки истории русской психологии XVIII и XIX веков. М.: ОГИЗ, 1947. 168 с.
2. **Апенюк (Черкасова) Р. С.** Тенденции развития философско-психологической мысли на Руси в период Средневековья // Социально-экономические явления и процессы. 2014. Т. 9. № 8. С. 142–148.
3. **Архангельская А. В., Пауткин А. А.** Русская литература XI–XVII вв.: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2003. 216 с.
4. **Бахтин М. М.** Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
5. **Бычков В. В.** 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*: в 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 527 с.
6. **Вагнер Г. К., Владышевская Т. Ф.** Искусство Древней Руси. М.: Искусство, 1993. 255 с.
7. **Водовозов Н. В.** История древней русской литературы. М.: Просвещение, 1972. 383 с.
8. **Воробьев М. Н.** Православное просвещение на Руси (X–XVII вв.) // Педагогика. 1996. № 2. С. 84–88.
9. Всемирная история: в 10 т. / под ред. Н. А. Сидоровой и др. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1957. 896 с.
10. **Горский В. С.** Философские идеи в культуре Киевской Руси XI – начала XII в.: монография. Киев: Наукова думка, 1988. 214 с.
11. **Гостев А. А., Елисеев В. А., Соснин В. А.** Святоотеческая мысль как источник историко-психологического анализа // Современная психология: состояние и перспективы исследований: сб. М.: ИП РАН, 2002. С. 39–66.
12. **Греков И. Б., Шамагонов Ф. Ф.** Мир истории: Русские земли в XIII–XV веках: монография. М.: Мол. гвардия, 1988. 334 с.
13. **Громов М. Н., Козлов Н. С.** Русская философская мысль X–XVIII веков: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1990. 228 с.
14. **Гуменская О. М.** Очерки по истории отечественной психологии. Вып. 1. История психологической мысли на Руси (X–XVII вв.): учеб. пособие. Саратов: Научная книга, 2006. 68 с.
15. **Дворецкая М. Я.** Развитие и становление психологического учения о человеке восточных христиан Средневековья: автореф. ... дис. д-ра психол. наук. М., 2006. 51 с.
16. **Дессуар М.** Очерк истории психологии: монография. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002. 256 с.
17. **Егоров В. Л.** Пересвет и Ослябя // Вопросы истории. 1985. № 9. С. 177–183.
18. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в средневековой Руси (XI–XVI вв.): монография. Л.: Наука, 1987. 248 с.
19. **Замалеев А. Ф.** Философская мысль в России XI–XX веков: монография. СПб.: Петрополис, 2015. 480 с.
20. Златоструй. Древняя Русь. X–XIII вв.: сб. / сост., авт. текст, коммент. А. Г. Кузьмина, А. Ю. Карпова. М.: Мол. гвардия, 1990. 303 с.
21. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX вв.): монография. Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2006. 88 с.

22. **Иванов Д. В.** Архетип российского воспитания: образ «человека борющегося» в исторических и литературных памятниках // *Философия образования*. 2008. № 1. С. 277–280.
23. **Ильин И. А.** Национальное воспитание — путь духовного обновления // *Педагогика российского зарубежья*. М.: Ин-т практич. психологии, 1996. С. 317–325.
24. **Карунин Е. А.** Педагогическое наследие Сергия Радонежского (Духовно-нравственный аспект воспитания): дис. ... канд. пед. наук. М., 2000. 112 с.
25. **Кольцова В. А., Медведев А. М.** Об изучении истории психологии в системе культуры // *Психологический журнал*. 1992. Т. 13. № 5. С. 3–11.
26. **Кольцова В. А.** История психологии: проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
27. **Коржова Е. Ю.** Творческий лик русских мыслителей: монография. СПб.: Общ-во памяти игумении Таисии, 2009. 507 с.
28. **Корнетов Г. Б.** Развитие историко-педагогического процесса в контексте цивилизованного подхода: дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада. М., 1994. 64 с.
29. **Костецкий В. В.** Аристократические истоки духовой культуры // *Педагогика*. 2011. № 2. С. 25–31.
30. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9 т. Т. 2. М.: Мысль, 1987. 447 с.
31. **Ключевский В. О.** О русской истории. М.: Просвещение, 1993. 576 с.
32. **Ключевский В. О.** О нравственности и русской культуре. М.: Дрофа, 2006. 302 с.
33. **Клыпа О. В.** Генезис русской психологической мысли в средневековый период: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 374 с.
34. **Кусков В. В.** История древнерусской литературы. М.: Высш. шк., 1998. 336 с.
35. **Лихачев Д. С.** Избранные работы: в 3 т. Т. 1: Развитие русской литературы X–XVII веков. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Худож. лит., 1987. 656 с.
36. **Марков Б. В.** Философская антропология: очерки истории и теории: учеб. пособие. СПб.: Лань, 1997. 384 с.
37. **Миронов В. Б.** Образование в истории человеческой цивилизации: эволюция и перспективы: дис. ... д-ра пед. наук в форме научного доклада. М., 1991. 63 с.
38. **Пушкин А. С.** Собрание соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. 398 с.
39. **Романова Е. С., Рыжов Б. Н.** История психологии с системных позиций // *Системная психология и социология*. 2014. № 1 (9). С. 5–15.
40. **Роменец В. А.** Предмет и принципы историко-психологического исследования: дис. ... д-ра психол. наук в форме научного доклада. Киев, 1989. 42 с.
41. *Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия / сост. и авт. вступ. ст. С. В. Перевезенцев*. М.: Роман-газета, 1994. 240 с.
42. *Русское православие: вехи истории: монография / науч. ред. А. И. Клибанов*. М.: Политиздат, 1989. 719 с.
43. **Рыжов Б. Н.** Системная психология. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
44. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
45. *Сказание о Мамаевом побоище. Текст в современной транскрипции и переводе на русский язык. Научный аппарат / Т. Дианова, М. Черниловская, Э. Шульгина*. М.: Книга, 1980. 148 с.
46. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.
47. *Четьи-Минеи. Святые русского православия. X–XV вв.* М.: Эксмо, 2004. 480 с.
48. **Черкасова (Апенюк) Р. С.** Идея самосовершенствования в произведениях русских авторов XV–XVI веков // *Известия ВГПУ*. 2015. № 2 (267). С. 140–143.
49. **Щапов А. П.** Древние пустыни и пустынножители на северо-востоке России // *Православный собеседник*. 1860. Ч. III. С. 196–221.
50. **Щапов А. П.** Избранное. Иркутск: Оттиск, 2001. 368 с.

References

1. **Anan`ev B. G.** Ocherki istorii russkoj psixologii XVIII i XIX vekov [Essays on the history of Russian psychology of the 18th and 19th centuries]. M.: OGIZ, 1947. 168 p.
2. **Apenok (Cherkasova) R. S.** Tendencii razvitiya filosofsko-psixologicheskoy my`сли na Rusi v period Srednevekov`ya [Trends in the development of philosophical and psychological thought in Russia during the Middle Ages] // Social`no-e`konomicheskie yavleniya i processy` [Socio-economic phenomena and processes]. 2014. T. 9. № 8. P. 142–148.
3. **Arhangel`skaya A. V., Pautkin A. A.** Russkaya literatura XI–XVII vv.: ucheb. posobie [Russian literature of the XI–XVII centuries: text. manual]. M.: Izd-vo MGU, 2003. 216 p.
4. **Bahtin M. M.** Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarny`x nauk [Author and hero: To the philosophical foundations of the humanities]. SPb.: Azbuka, 2000. 336 p.
5. **By`chkov V. V.** 2000 let xristianskoj kul`tury` sub specie aethetica: v 2 t. T. 2: Slavyanskij mir. Drevnyaya Rus`. Rossiya [2000 years of Christian culture sub specie aethetica: in 2 tons T. 2: Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 527 p.
6. **Vagner G. K., Vlady`shevskaya T. F.** Iskusstvo Drevnej Rusi [Art of Ancient Russia]. M.: Iskusstvo, 1993. 255 p.
7. **Vodovozov N. V.** Istoriya drevnej russkoj literatury` [History of ancient Russian literature]. M.: Prosveshhenie, 1972. 383 p.
8. **Vorob`ev M. N.** Pravoslavnoe prosveshhenie na Rusi (X–XVII vv.) [Orthodox education in Russia (X–XVII centuries)] // Pedagogika [Pedagogy]. 1996. № 2. P. 84–88.
9. Vsemirnaya istoriya: v 10 t. T. 3 [World history: in 10 volumes. Vol. 3] / pod red. N. A. Sidorovoj i dr. M.: Gos. izd-vo polit. l-ry`, 1957. 896 p.
10. **Gorskij V. S.** Filosofskie idei v kul`ture Kievskoj Rusi XI – nachala XII v.: monografiya [Philosophical ideas in the culture of Kievan Rus XI – the beginning of the XII century.: monograph]. Kiev: Naukova dumka, 1988. 214 p.
11. **Gostev A. A., Eliseev V. A., Sosnin V. A.** Svyatootecheskaya my`sl` kak istochnik istoriko-psixologicheskogo analiza [Patristic thought as a source of historical and psychological analysis] // Sovremennaya psixologiya: sostoyanie i perspektivy` issledovanij: sb. [Modern psychology: state and prospects of research: collection of articles]. M.: IP RAN, 2002. P. 39–66.
12. **Grekov I. B., Shahmagonov F. F.** Mir istorii: Russkie zemli v XIII–XV vekah: monografiya [The world of history: Russian lands in the XIII–XV centuries: monograph]. M.: Mol. gvardiya, 1988. 334 p.
13. **Gromov M. N., Kozlov N. S.** Russkaya filosofskaya my`sl` X–XVIII vekov: ucheb. posobie [Russian philosophical thought of the X–XVIII centuries: training manual]. M.: Izd-vo MGU, 1990. 228 p.
14. **Gumenskaya O. M.** Ocherki po istorii otechestvennoj psixologii. Vy`p. 1. Istoriya psixologicheskoy my`сли na Rusi (X–XVII vv.): ucheb. posobie [Essays on the history of Russian psychology. Issue. 1. History of psychological thought in Russia (X–XVII centuries): training manual]. Saratov: Nauchnaya kniga, 2006. 68 p.
15. **Dvoreczkaya M. Ya.** Razvitie i stanovlenie psixologicheskogo ucheniya o cheloveke vostochny`x xristian Srednevekov`ya: avtoref. ... dis. d-ra psihol. nauk [Development and formation of the psychological doctrine of man of Eastern Christians of the Middle Ages: author. dis. ... Dr. psychol. sciences]. M., 2006. 51 p.
16. **Dessuar M.** Ocherk istorii psixologii: monografiya [Essay on the History of Psychology: Monograph]. M.: AST; Minsk: Xarvest, 2002. 256 p.
17. **Egorov V. L.** Peresvet i Oslyabya [Peresvet and Oslyabya] // Voprosy` istorii [Questions of history]. 1985. № 9. P. 177–183.
18. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my`sl` v srednevekovoj Rusi (XI–XVI vv.): monografiya [Philosophical thought in medieval Russia (XI–XVI centuries): monograph]. L.: Nauka, 1987. 248 p.

19. **Zamaleev A. F.** Filosofskaya my`sl' v Rossii XI–XX vekov: monografiya [Philosophical thought in Russia of the XI–XX centuries: monograph]. SPb.: Petropolis, 2015. 480 p.
20. Zlatostruj. Drevnyaya Rus`. X–XIII vv.: sb. [Goldblast. Ancient Russia. X–XIII centuries: Sat.] / sost., avt. tekst, komment. A. G. Kuz'mina, A. Yu. Karpova. M.: Mol. gvardiya, 1990. 303 p.
21. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor`by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoj my`sli (XIX – nachalo XX vv.): monografiya [Idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSHA, 2006. 88 p.
22. **Ivanov D. V.** Arxetip rossijskogo vospitaniya: obraz «cheloveka boryushhegosya» v istoricheskix i literaturny`x pamyatnikax [Archetype of Russian education: the image of a “man struggling” in historical and literary monuments] // Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of education]. 2008. № 1. P. 277–280.
23. **Il'in I. A.** Nacional`noe vospitanie — put` duxovnogo obnovleniya [National Education — the path of spiritual renewal] // Pedagogika rossijskogo zarubezh`ya [Pedagogy of Russian abroad]. M.: In-t praktich. psixologii, 1996. P. 317–325.
24. **Karunin E. A.** Pedagogicheskoe nasledie Sergiya Radonezhskogo (Duhovno-nravstvenny`j aspekt vospitaniya): dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical heritage of Sergius of Radonezh (Spiritual and moral aspect of education): dis. ... Candidate of Pedagogical Sciences]. M., 2000. 112 p.
25. **Kol'czova V. A., Medvedev A. M.** Ob izuchenii istorii psixologii v sisteme kul`tury` [On the study of the history of psychology in the system of culture] // Psixologicheskij zhurn [Psychological Journal]. 1992. T. 13. № 5. P. 3–11.
26. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii: problemy` metodologii: monografiya [History of psychology: problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.
27. **Korzhova E. Yu.** Tvorcheskij lik russkix my`sлитеlej: monografiya [Creative face of Russian thinkers: monograph]. SPb.: Obshhestvo pamyati igumenii Taisii, 2009. 507 p.
28. **Kornetov G. B.** Razvitie istoriko-pedagogicheskogo processa v kontekste civilizovannogo podxoda: dis. ... d-ra ped. nauk v forme nauchnogo doklada [Development of the historical and pedagogical process in the context of a civilized approach: dis ... Dr. ped. sciences in the form of a scientific report]. M., 1994. 64 p.
29. **Kosteczkiy V. V.** Aristokraticheskie istoki duxovoj kul`tury` [Aristocratic sources of spiritual culture] // Pedagogika [Pedagogy]. 2011. № 2. P. 25–31.
30. **Klyuchevskij V. O.** Sochineniya: v 9 t. T. 2 [Works: in 9 volumes. T. 2]. M.: My`sl', 1987. 447 p.
31. **Klyuchevskij V. O.** O russkoj istorii [About Russian history]. M.: Prosveshhenie, 1993. 576 p.
32. **Klyuchevskij V. O.** O нравственности i russkoj kul`ture [On morality and Russian culture]. M.: Drofa, 2006. 302 p.
33. **Kly`pa O. V.** Genezis russkoj psixologicheskoj my`sli v srednevekovy`j period: dis. ... d-ra psixol. nauk [Genesis of Russian psychological thought in the medieval period: dis. ... Dr. psychol. sciences]. M., 2017. 374 p.
34. **Kuskov V. V.** Istoriya drevnerusskoj literatury` [History of Old Russian Literature]. M.: Vy`ssh. shk., 1998. 336 p.
35. **Lihachev D. S.** Izbranny`e raboty`: v 3 t. T. 1: Razvitie russkoj literatury` X–XVII vekov. Poe`tika drevnerusskoj literatury` [Selected works: in 3 volumes. Vol. 1: Development of Russian Literature X–XVII centuries. Poetics of Old Russian Literature]. L.: Hudozh. lit., 1987. 656 p.
36. **Markov B. V.** Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii: ucheb. posobie [Philosophical anthropology: essays on history and theory: training manual]. SPb.: Lan`, 1997. 384 p.
37. **Mironov V. B.** Obrazovanie v istorii chelovecheskoj civilizacii: e`volyuciya i perspektivy`: dis. ... d-ra ped. nauk v forme nauchnogo doklada [Education in the history of human civilization: evolution and prospects: dis. ... Dr. ped. sciences in the form of a scientific report]. M., 1991. 63 p.

38. **Pushkin A. S.** Sbranie soch.: v 10 t. T. 7 [Collected works: in 10 volumes. Vol. 7]. M.: Xudozh. lit., 1976. 398 p.
39. **Romanova E. S., Ryzhov B. N.** Istoriya psixologii s sistemny`x pozicij [History of psychology from a systemic perspective] // Sistemnaya psixologiya i sociologiya [Systems psychology and sociology]. 2014. № 1 (9). P. 5–15.
40. **Romenecz V. A.** Predmet i principy` istoriko-psixologicheskogo issledovaniya: dis. ... d-ra psixol. nauk v forme nauchnogo doklada [Subject and principles of historical and psychological research: dis ... Dr. psychol. sciences in the form of a scientific report]. Kiev, 1989. 42 p.
41. Russkaya dusha. Ty`syacha let otechestvennogo lyubomudriya [Thousand Years of Domestic Wisdom] / S. V. Perevezencev. M.: Roman-gazeta, 1994. 240 p.
42. Russkoe pravoslavie: veki istorii: monografiya [Russian Orthodoxy: milestones in history: monograph] / nauch. red. A. I. Klibanov. M.: Politizdat, 1989. 719 p.
43. **Ryzhov B. N.** Sistemnaya psixologiya [Systems psychology]. M.: T8 Izdatel`skie Texnologii, 2017. 356 p.
44. **Ryzhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my`sli. Puti i zakonomernosti [History of psychological thought. Paths and patterns]. M.: FLINTA, 2021. 352 p.
45. Skazanie o Mamaevom poboishhe. Tekst v sovremennoj transkripcii i perevode na russkij yazy`k. Nauchny`j apparat [The Legend of the Mamaev Massacre. Text in modern transcription and translation into Russian. Scientific apparatus] / T. Dianova, M. Chernilovskaya, E`. Shul`gina. M.: Kniga, 1980. 148 p.
46. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskikh vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekah: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph]. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.
47. Chet`i-Minei. Svyaty`e russkogo pravoslaviya [Chetya-Menaion. Saints of Russian Orthodoxy]. M.: Izd-vo E`ksmo, 2004. 480 p.
48. **Cherkasova (Apenok) R. S.** Ideya samosovershenstvovaniya v proizvedeniyax russkix avtorov XV–XVI vekov [The idea of self-improvement in the works of Russian authors of the XV–XVI centuries] // Izvestiya VGPU [Izvestia VSPU]. 2015. № 2 (267). P. 140–143.
49. **Shhapov A. P.** Drevnie pusty`ni i pusty`nnozhiteli na severo-vostoke Rossii [Ancient deserts and desert dwellers in the north-east of Russia] // Pravoslavny`j sobesednik [Orthodox interlocutor]. 1860. Ch. III. P. 196–221.
50. **Shhapov A. P.** Izbrannoe [Favorites]. Irkutsk: Ottisk, 2001. 368 p.